

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ФИЛОЛОГИИ

---

*Сборник статей
к 70-летию
члена-корреспондента АН СССР
В. М. ЖИРМУНСКОГО*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1 9 6 4

Д. С. Лихачев

ДРЕВНЕЙШЕЕ РУССКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ СКОМОРОХА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИСТОРИИ СКОМОРОШЕСТВА

Ю. Н. Дмитриев опубликовал древнейшее русское изображение скомороха в статье «Мелётовские фрески и их значение для истории древнерусской литературы».¹ Изображение составляет часть фресковой росписи Мелётовской церкви. Сама Мелётовская церковь построена в 1461—1462 гг.; роспись ее точно датируется 1465 г. по сообщению летописи² и надписи в самой церкви. Известны и имена старост; «повелением» которых были сделаны росписи, — это посадники Путков и Я. И. Кротов. Изображение скомороха помещено в среднем отделении западной части. Оно составляет часть композиции, главным действующим лицом которой является богоматерь. Единственным признаком, по которому определялось, что перед нами скоморох, до сих пор была только надпись, так как сюжет композиции был неизвестен, а само изображение не давало веских оснований для такого определения. Изображение могло быть принято и за изображение царя Давида — настолько торжествен и величествен вид этого неизвестного музыканта, сидящего на высоком и роскошном троне и играющего на смычковом инструменте сложной формы.³ Надпись читается, по мнению Ю. Н. Дмитриева, следующим образом: **лѣтъ скоморохъ**. Прочтение первой части этой надписи (имени скомороха), как мы увидим в дальнейшем, спорно, но вторая часть ее — «скоморох» сомнений не вызывает.

Вся композиция в целом, в которую включено изображение неизвестного скомороха, описывается Ю. Н. Дмитриевым следующим образом: «Вверху ее (композиции, — *Д. Л.*) изображено

---

¹ Труды Отдела древнерусской литературы, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 403—412. Отметим, что изображение скоморохов в Киевской Софии не может считаться изображением русских скоморохов: здесь изображены увеселения императорского двора в Константинополе.

² Псковские летописи, вып. I, под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1941, стр. 71.

³ По-видимому, это гудок — инструмент, напоминающий скрипку, на котором играли, держа его вертикально за гриф.

ложе с лежащей женщиной. На женщине белая рубашка с короткими рукавами; одеяло с шитой каймой не покрывает всего тела, но оставляет открытым обнаженные ноги и подол рубашки. Позади ложа стоит богоматерь, склоненная к лежащей; левая рука богоматери поднесена к груди, тогда как положение правой неясно, быть может ее не было видно. Скорбная поза этой фигуры очень выразительна. Внизу представлено следующее: в середине сидит музыкант, играющий на смычковом инструменте, слева (считая от зрителя) — толпа, состоящая из мужчин и женщин, справа — пляшущая женщина. Итак, изображены два эпизода какого-то рассказа: сцена празднества, веселия, пляски, относящаяся, надо полагать, к началу рассказа, и последующая сцена исцеления или явления богоматери некоей женщине. Надписей, поясняющих изображение, не сохранилось, за исключением двух слов, отнесенных к одному из персонажей. . .

«Художник, изображая бытовую сцену, сцену празднества, пляски, с особым интересом отнесся к музыканту. Он выделил последнего композиционно, сделал его фигуру центральной, посадил очень торжественно на седалище, напоминающее престол, т. е. представил этого музыканта сходно, например, с царем Давидом. . . По сторонам его головы сохранилась надпись, состоящая из двух слов и поясняющая, кто здесь изображен. Слева стоит слово „Антъ“ — это имя или часть имени музыканта, справа написано „скоморох“». ⁴

Описав затем подробно фигуру скомороха, его шляпу, прическу, одежду, седалище, инструмент, на котором он играет, и подчеркнув вероятность русского происхождения всех деталей, Ю. Н. Дмитриев заключает свою статью следующим замечанием: «Сюжеты этих изображений. . . остаются автору настоящей заметки неизвестными. Но несомненно то, что они заимствованы не из обычного для росписи храма источника. . .

«Насколько автор настоящей заметки осведомлен, в памятниках русской письменности XV в., а также в более поздних неизвестны легенды, воспроизведенные в мелётовской росписи. Вместе с тем, для того чтобы попасть на стены псковского храма, они должны были приобрести некоторую популярность в местной среде. Если это так, то фрески Мелётова приобретают важное значение для истории псковской литературы, еще мало изученной». ⁵

В настоящее время мы можем установить источник сюжета мелётовской композиции: это рассказ «О некоем скомрасе, ху-

⁴ Ю. Н. Д м и т р и е в. Мелётовские фрески и их значение для истории древнерусской литературы. Труды Отдела древнерусской литературы, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 409—410.

⁵ Там же, стр. 412.

лившем пречистую богородицу». Приведу этот рассказ по старейшей рукописи «Лимониса», хранящейся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина:

«Илию града Ливансий Фуничьскыя град есть. В нем же скомрах беаше некто именем Анн, и на всех игрищах святою богородицею ругаяся, хуляще ю. И явился ему святая богородица, глаголющи: „Что ти зло створиш, яко при селице народе повлачи мя, зле глаголеши?“. Он же встав не токмо управися, но пече хулу вещаше. Паки же явился ему святая богородице, увещаваючи и глаголющи: „Не мою тако врежаеши душу, но свою“. Съ же паки злее хуляше и она паки третицею явился ему, тоже вещаючи и глаголющи, и, яко же не исправися, но паче множае хуляше, в един день полудне, яко же лежаше, явился ему и ничто же рече токмо перъстомъ своимъ начерте обе руце и обе нозе. И възбудився обретесе отсечене имея руце и нозе обе, и труп лежаше. В сих же злобивый исповедаше всем о себе яве себе творя, яже в похулениях своих пострадала и яже человеколюбия деяя». ⁶

Отождествить сюжет мелётовской композиции и сюжет «Лимониса» помогают следующие детали. У ложа в мелётовской композиции изображена богоматерь. Лежащая фигура с обнаженными руками и ногами — деталь, указывающая, что именно ноги и руки поражены какой-то болезнью. Скоморох имеет краткое имя, состоящее и на фреске, и в рассказе «Лимониса» из равного количества букв и одинаково начинающегося на «А». Противоречит этому отождествлению то обстоятельство, что на ложе, по определению Ю. Н. Дмитриева, изображена лежащая женщина. Но позволительно усомниться в правильности этого определения. Ведь одежд лежащей на фреске не видно, а безбородость и безусость лица отличает и скомороха на главном изображении.

В приведенном рассказе «Лимониса» имя скомороха отличается от имени скомороха на фреске: в «Лимонисе» — «Аннъ», на фреске — «Антъ». Однако имя скомороха в списках вообще неустойчиво. В болгарской рукописи Библиотеки имени Коларова [№ 694 (63) XVIII в.] в том же рассказе имя скомороха читается «Аинъ». В «Великих четьих минеях» митрополита Макария под 30 июля приведен тот же рассказ, но здесь имя скомороха «Гоино». Что же касается мелётовской фрески, то возможно, что здесь имя скомороха к тому же прочитано не совсем правильно. Приложенное к статье воспроизведение надписи имеет явные признаки ретуши. В подлинной надписи я не заметил титла над именем скомороха. Кроме того, последняя буква может быть прочитана как Т и как Р.

⁶ Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, ф. 304, собрание Троице-Сергиевой лавры, № 37, лл. 181—185 об.

Сюжеты мелётовских фресок в целом традиционны. Сюжет со скоморохом составляет исключение. Думается, что редкий рассказ из «Лимониса» попал в мелётовские фрески далеко не случайно. Ю. Н. Дмитриев отметил в этом изображении скомороха многочисленные детали, особенно в изображении одежд и смычкового инструмента, указывающие на то, что художник воспроизводил отнюдь не традиционное изображение, а имел в виду русского скомороха.⁷ В дополнение к наблюдениям Ю. Н. Дмитриева приведу и такое соображение. В изображении редких сюжетов, носивших характер притч, русские росписи вообще допускали перенесение их в русскую обстановку. Так, например, в росписях 1363 г. погибшей Волотовской церкви близ Новгорода имелась композиция на сюжет рассказа, встречающегося в сборниках вместе с интересующим нас сюжетом мелётовской росписи.⁸ Это рассказ «О игумене, его же искуси Христос во образе нищего».⁹ Здесь Христос изображен был с сумой в образе русского нищего, а фигура игумена и пирующих богатых — в современных росписях русских одедах.¹⁰

⁷ «Скоморох представлен молодым, почти юношей, что соответствует наименованию „веселые молодцы“, которое дают скоморохам былины. У него длинные волосы, пышно лежащие на голове — обычная манера изображения мужской прически в русском искусстве XIV—XV вв. Одет он в длинную, подпоясанную рубашку, с круглым вырезом у ворота, узкие штаны и высокие сапоги, т. е. в типичную русскую одежду, распространенную среди различных общественных слоев и хорошо известную по миниатюрам. . . Что касается смычкового инструмента, на котором играет скоморох, то он изображен с примечательными подробностями. . . Если бы автор фрески срисовал незнакомый ему инструмент с какого-либо изображения, он никогда не передал бы перечисленные подробности с подобной точностью. . .» (Ю. Н. Дмитриев. Мелётовские фрески. . ., стр. 410—412).

⁸ Ср., например, сборник № 694 (63) Народной библиотеки им. В. Коларова в Софии, написанный русской скорописью XVIII в.; на стр. 105: «Слово от „Лимониса“ о некоем скомрасе, хулившем пречистую богородицу», а на стр. 95: «Слово о некоем игумене, его же искуси Христос в образе нищаго».

⁹ Рассказ опубликован А. И. Пономаревым: Памятники древнерусской церковно-учительской литературы, вып. II. Славяно-русский пролог, часть первая, сентябрь—декабрь.

¹⁰ О композиции Волотовской церкви на тему «О игумене, его же искуси Христос» см.: Н. В. Покровский. Стенные росписи в древних храмах греческих и русских. Труды седьмого археологического съезда в Ярославле 1887 г., т. I, М., 1890, стр. 199—200; см. листок: Памятники древнерусского искусства, изд. имп. Академии художеств, вып. IV, СПб., 1912, стр. 21—22; Д. В. Айналов. Византийская живопись XIV столетия. Пгр., 1917, стр. 141—145; Н. Г. Порфиридов. Живопись Волотова. Новгородский исторический сборник, вып. 7. Новгород, 1940, стр. 60; В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, стр. 81—82 (воспроизведение сцены пира на табл. 66); М. В. Алпатов. Фрески храма Успения на Волотовом поле. «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР». Сб. статей под ред. акад. И. Грабаря. М.—Л., 1948, стр. 118—121.

Перенесение сюжета рассказа в росписях в русскую обстановку — явление вполне сознательное. Оно усиливало их назидательность. Какое же назидание преподносил зрителям художник в данном случае? Для этого нам необходимо обратиться к содержанию сборника «Лимонис».

Единственное исследование «Лимониса» мы находим в труде И. М. Смирнова «Синайский патерик в древнеславянском переводе».¹¹ Согласно И. М. Смирнову, «Лимонис» — это сборник, возникший в Болгарии в эпоху царства Самуила (969—1018 гг.). Основной материал для «Лимониса» был взят из патериков Синайского¹² и Египетского. Возник этот сборник в связи с борьбой с богомилством.¹³ В «Лимонисе», как установил И. М. Смирнов, были собраны многочисленные рассказы, подтверждающие ортодоксально-православную точку зрения на различные вопросы, в том числе на вопрос «о богоматернем достоинстве пресвятой девы Марии, помогающей обращающимся к ней с верою в ее заступничество; ее хулители наказываются, как здесь, так и в будущей жизни».¹⁴

Поскольку новгородско-псковские ереси XIV—XVI вв. были близки к богумилству, интерес к «Лимонису» и его сюжетам не может быть случайностью. Выбор же данного сюжета из «Лимониса» для включения в роспись храма особенно показателен. Очевидно, что не только в XVI—XVII вв., но и в середине XV в. скоморохи представляли опасность для церкви и отличались вольнодумными настроениями.

Скоморох, хулящий богоматерь, очевидно, в песнях, под аккомпанемент смычкового инструмента, — факт примечательный даже для Пскова XV в.

¹¹ И. М. Смирнов. Синайский патерик (ΛΕΙΜΩΝ ΠΝΕΥΜΑΤΙΚΟΣ) в древнеславянском переводе. (Исследование в II частях: I. Греческий оригинал патерика со стороны своего текста; ч. II. Обзор рукописи славянского перевода патерика и сравнительный анализ их текста). Сергиев-Посад, 1917.

¹² В составе «Синайского патерика» рассказ «О некоем скоморохе» был включен в «Великие четьи минеи» митрополита Макария под 30 июля, см.: Подробное оглавление Великих четьих миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московской патриаршей, (ныне Синодальной) библиотеке. М., 1892, стр. 255.

¹³ И. М. Смирнов. Синайский патерик. . . , стр. 236—248.

¹⁴ Там же, стр. 237.